

На правах рукописи

Хаткина Анастасия Владимировна

**ПРОБЛЕМА «ЛИЧНОСТЬ И ВРЕМЯ»
В ПРОЗЕ К.Д. ВОРОБЬЕВА
И СПОСОБЫ ЕЁ ХУДОЖЕСТВЕННОГО
ВОПЛОЩЕНИЯ**

10.01.01. - Русская литература

**Автореферат диссертации
на соискание ученой степени кандидата
филологических наук**

**Краснодар
2003**

Диссертация выполнена на кафедре литературы
и методики ее преподавания Армавирского
государственного педагогического института

Научный руководитель: доктор филологических наук,
профессор В. Т. СОСНОВСКИЙ

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор Л. И. БРОНСКАЯ
кандидат филологических наук,
доцент А. В. ТАТАРИНОВ

Ведущая организация: Адыгейский государственный
университет.

Защита состоится 19 декабря 2003 г. в 10⁰⁰ на заседании
диссертационного совета Д 212.101.04. в Кубанском государственном
университете по адресу: 350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке
Кубанского государственного университета (350040, г.Краснодар,
ул. Ставропольская, 149).

Автореферат разослан 5 ноября 2003 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук,
доцент

Н.И. Щербакова

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В последнее время в российской печати наконец стали возможными публикации многих произведений ранее запрещенных или замалчиваемых художников слова. В числе «возвращенных» и один из значительных представителей литературного процесса послевоенных лет - Константин Дмитриевич Воробьев (1919-1975). Его наследие и жизненная судьба вызывают сейчас возрастающий интерес. Весомым вкладом в признание писательских заслуг стало присуждение К. Воробьеву в 2001-ом году, спустя четверть века после смерти автора, литературной премии А.И. Солженицына.

Опыт изучения. Редкие публикации воробьевских книг при жизни автора, скудное количество рецензий или их разгромный характер (в дело травли К. Воробьева особый вклад внесли Г. Бровман, Г. Краснов, М. Синельников, И. Кузьмичев, И. Герасимов, В. Севрук, А. Киреева и др.) не могли не отразиться на судьбе писательского наследия.

О прозе К. Воробьева долгое время даже вскользь не говорилось в литературоведческих и критических работах, посвященных «литературе лейтенантов» и так называемой «деревенской прозе», хотя писатель является одним из зачинателей первого названного течения и идейно родственен второму. Скупая информация чаще всего носила ярко выраженный идеологический характер. Стремление понять сущность воробьевских книг и неискаженной донести ее до читателя в 60-х - 70-х годах было присуще немногочисленным работам С. Воронина, В. Астафьева, Ю. Бондарева, И. Дедкова, Ю. Томашевского, литовским рецензентам П. Гельбаку, К. Амбрасасу, Г. Кановичу и др.

И все же прав был К. Воробьев, когда писал единомышленникам: «... как известно, не все рукописи горят», и это «хорошо, хоть и грустно оттого, что «все наше будет после нас...»¹. Вслед за историческими переменами 80-х имя писателя стало возвращаться в культурный обиход страны. В периодической печати стали появляться статьи, авторы которых пытаются услышать воробьевское слово без идеологических «помех» (работы И. Золотусского, В. Астафьева, И. Дедкова, Н. Кузина, А. Кедровского, Л. Лавлинского,

¹ Воробьев К.Д. Собр. соч.: В 3 т. Т. 3. Рассказы, из архива писателя, письма, приложение / Сост. В.В. Воробьевой / Под ред. М.И. Вострышсва. - М.: Современник, 1993. - С. 350.

Л. Малкина, Е. Носова, П. Сальникова, Н. Сосниной, Ю. Томашевского, С. Федякина, В. Чалмаева, М. Шевченко и др.).

Творчеству К. Воробьева в его различных аспектах были посвящены и диссертационные исследования. В ряде диссертаций на другие темы встречаются эпизодические обращения к произведениям писателя, в различной степени отвечающие требованиям советской цензуры.

В диссертационных исследованиях о творчестве К. Воробьева последних десятилетий его наследие рассматривается с новых позиций. На сегодняшний день защищено две диссертации, посвященные исключительно воробьевской прозе (И.В. Петракова (Соколова). Творчество К. Воробьева. (Эволюция. Проблематика. Герой). - Л., 1986; Н.Н. Золототрубова. Нравственные аспекты войны и мира в прозе К. Воробьева. - Воронеж, 1995). Серьезный вклад в изучение прозы писателя сделан в диссертациях В.Д. Мирюшкина (1990), М.В. Кульгавчук (1990) и В.Т. Сосновского (1999).

Актуальность исследования. Остается малоизученным огромный пласт воробьевской прозы, одним из центральных вопросов которой является, на наш взгляд, проблема взаимоотношений человека и времени и способы её художественной реализации. Время здесь понимается, согласно С.И.Ожегову, и как эпоха («...длительный промежуток времени, выделяемый по какому-нибудь характерному явлению, событию»), и как история («...прошлое, сохраняющееся в памяти человечества», в его взаимосвязи с настоящим и будущим).

Материалом исследования являются повести, рассказы, очерки, дневники и записные книжки К. Воробьева, а также произведения многих отечественных авторов XX столетия, рассмотрение которых позволяет глубже понять место воробьевской прозы в литературном процессе 50-х - 70-х годов и русской словесности в целом. При исследовании военных повестей писателя мы обращались к творчеству В. Астафьева, М. Алексеева, Г. Бакланова, В. Богомолова, Ю. Бондарева, В. Кондратьева, Е. Носова, Н. Сапфинова, В. Семина, А. Толстого, М. Шолохова. Для осознания значения «деревенских» повестей К. Воробьева проводятся параллели между ними и произведениями А. Дорогойченко, А. Неверова (Скобелева), Ф. Абрамова, В. Белова, С. Залыгина, Б. Можая, А. Твардовского, М. Шолохова и др. Прослеживаются связи воробьевских книг с мифологией, фольклором и классической русской и зарубежной литературой - наследием Л. Толстого, Л. Андреева, Г. Ибсена, М. Сервантеса, С. Есенина, В. Маяковского и др.

Предметом исследования является проблема взаимоотношений личности и времени в повестях и рассказах К. Воробьева и выяснение способов ее художественного воплощения.

Целью диссертационного исследования стало выявление характера взаимоотношений человека с его прошлым, настоящим и будущим в художественном мире К. Воробьева, изучение путей художественного осуществления авторского замысла.

Для реализации поставленной цели в работе решаются следующие **задачи**:

- выявить специфику воробьевского изображения человека в условиях Великой Отечественной войны;
- рассмотреть авторскую позицию в вопросах взаимоотношений личности и власти в периоды Гражданской войны, коллективизации, Великой Отечественной войны и первых послевоенных десятилетий;
- проследить процесс влияния тоталитарной эпохи на судьбы нескольких поколений советских людей в прозе К. Воробьева;
- осмыслить концепцию личности в воробьевском творчестве;
- рассмотреть пути художественной реализации темы «Личность и время» в прозе К. Воробьева;
- осмыслить идейно-тематическую и художественную специфику произведений писателя и их место в литературном процессе.

В качестве ведущих **методов исследования** были избраны культурно-исторический и сравнительно-типологический.

Теоретико-методологическая база исследования основана на литературоведческих идеях М. Бахтина, И. Волкова, И. Золотуского, В. Кожина, Д. Лихачева, Л. Тимофеева и др.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Взаимоотношения человека со временем в воробьевской прозе обусловлены характером государственного устройства, общественными ценностями, воспитанием и жизненным опытом личности. Установившийся с приходом Советской власти тоталитарный режим путем разрушения традиций и насильственных методов управления способствовал уничтожению личности, характеризваемой писателем через понятия ответственности, свободы воли, поступка и саморазвития, а также через связь с нравственными нормами православной культуры.

2. Жестоким испытанием для советских людей стала Великая Отечественная война, заставившая пережить отступление, окружение, плен. Исторически правдиво раскрытая писателем сущность этих событий оборачивается разоблачением идеологических и политических просчетов государства, повлекших за собой неудачи первых военных лет. Специфика проблематики и способов ее художественной реализации ставит К. Воробьева в ряд основателей «лейтенантской прозы».

3. Отнесение первопричин военных катастроф к периоду становления советской системы, годам Гражданской войны и коллективизации породило произведения, в которых автор одним из первых в литературном процессе 50-х - 70-х годов убедительно изобразил данные события как разбой и насилие новой власти по отношению к своему народу. С утратой традиционных нравственных ценностей, по убеждению К. Воробьева, народ перерождается в основанный на идеологических установках коллектив, исключаящий и полноценное «я», и соборное «мы».

4. Лейтмотивом воробьевской прозы оказывается мысль о том, что забвение духовных основ прошлого, физическое устранение носителей лучших черт национального характера и другие проявления тоталитарного режима ведут к прогрессирующему явлению социального сиротства, накладывающему свой отпечаток на каждое новое поколение советских людей. В результате коррозии подвергаются все сферы человеческой жизни — социальная, нравственно-психологическая, интимная и др. Продолжение данной линии общественного развития, по убеждению К. Воробьева, грозит вырождением человека как носителя духовности.

Научная новизна исследования базируется на недооценке творчества К. Воробьева в критике и состоит в деидеологизации отношения к писательскому наследию, рассмотрении соотносительности авторского взгляда на личность и время с общечеловеческими и православными нравственными ценностями, осмыслении малоизученных аспектов воробьевской прозы, переоценке значения его творчества в литературном процессе XX столетия.

Теоретическая значимость. В диссертации рассматриваются основные черты концепции личности в произведениях К. Воробьева, стержневыми понятиями которой стали соборность, гражданственность, личная ответственность, способность к волевому поступку и самопожертвованию. Впервые её содержательные аспекты обусловлены эстетикой православной культуры. Бо-

лее точно определяется место воробьевской прозы в литературном процессе 50-х - 70-х.

Практическое значение работы заключается в возможности ее использования в курсах лекций «История русской литературы XX века», «Теория литературы», в формировании тематики спецкурсов и спецсеминаров, посвященных творчеству представителей «лейтенантской прозы», научно-исследовательских работ студентов, в проведении занятий в общеобразовательных учебных заведениях, а также в качестве комментариев к печатным изданиям сочинений К. Воробьева.

Апробация исследования проводилась в процессе участия в региональных научных конференциях, а также на заседаниях кафедры литературы и методики ее преподавания Армавирского государственного педагогического института. Результаты диссертационной работы использовались на занятиях по курсам «История русской литературы XX века» в АГПИ, «История русской литературы» в Армавирском лингвистическом университете и на уроках русской литературы в старших классах средней школы № 16 г. Армавира. По теме исследования имеется 5 публикаций.

Структура диссертационной работы представлена введением, двумя главами, заключением, библиографией, включающей 207 наименований. Общий объем диссертации - 226 страниц.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** рассматривается степень изученности данного вопроса, обосновываются цель, задачи, актуальность и научно-практическая значимость работы, определяются принципы отбора материала и теоретико-методологическая база исследования.

Глава первая «*Человек на войне и проблема исторического оптимизма в батальной прозе*» посвящена выявлению своеобразия воробьевского изображения личности в условиях Великой Отечественной войны, особенно в обстоятельствах отступления, окружения и фашистской неволи (теме плена посвящен **первый параграф** главы «*К. Воробьев - известный и неизвестный. Биографический подтекст в рассказах и повестях «Седой тополь», «Дорога в отчий дом», «Немец в валенках», «Уха без соли», «Это мы, Господи!..», «Крик»*»). Во втором параграфе «*Проклятое прошлое*» как дилемма, или *Что не поддаётся конъюнктурному толкованию литературно-критической мыслью. «Убиты под*

Москвой» как родословная народного подвига» прослеживается, как писателем осмысливаются роли власти, народа и личности в формировании событий начала 40-х годов.

Творчество К. Воробьева можно отнести к литературному течению, условно названному «лейтенантской прозой» (1956 - сер. 60-х годов) и ориентированному на избавление существующей литературы о войне от идеологически обусловленного искажения событий. Писатель одним из первых осветил в своем творчестве такие запретные в ту эпоху темы, как деморализованность армии в первые годы войны, преступная неготовность руководства страны к нападению, отречение государства от попавших в плен воинов и отношение к своим защитникам как к «пушечному мясу», правда о лагерном существовании, что в совокупности и послужило причиной неудач первого этапа войны.

Воробьевские повести *«Крик»*, *«Это мы, Господи!..»*, *«Убиты под Москвой»* и рассказы о плене являются лучшими образцами «литературы лейтенантов». Сущность этих произведений можно понять при рассмотрении их идейно-художественных особенностей, важнейшая из которых видится в неприятии тенденциозного морализаторства в изображении войны, ее «ура-патриотического» восприятия. Для Воробьева война - хаотичная, лишенная логики ежечасная трагедия. Отказавшись от сложившегося в предшествовавшей литературе освещения войны в общем, событийном плане, писатель стремился дать читателю увидеть «частную» войну глазами ее участников. Действие происходит в реальной фронтовой обстановке, на обыденном, бытовом фоне, что особенно раздражало тяготеющую к эффектной героике критику 50-х - 60-х годов. Так, говоря о воробьевских произведениях о войне, М. Синельников заявлял: «...в них проявился интерес писателя к суровому фронтовому быту <...> Зрелый вкус и чувство меры необходимы здесь - иначе пристрастие к изображению быта может подчас обернуться бытовщиной <...> Писатель зафиксировал частную, преходящую, бытовую правду. Но он погрешил против главной правды - правды жизни»¹. Для писателя героическое - не впечатляющий подвиг в чрезвычайных условиях, как было принято, а постоянная внутренняя борьба человека с обстоятельствами и собственной слабостью.

Яркой чертой воробьевского стиля является психологизм, пристальное внимание к внутреннему миру персонажей. Лейте-

¹ Синельников М.А. А надо бы всерьез... // Литература и жизнь. - 1962. - 11 ноября. - № 134. - С. 3.

нанты Воронов («Крик»), Костров («Это мы, Господи!...»), Ястребов («Убиты под Москвой») предстают как противоречивые, развивающиеся личности, отличные от несколько плакатных, «однозначных» героев ранней военной прозы (центральные персонажи рассказов Б. Лавренева «Подвиг», Б. Полевого «Редут Таракуля», К. Симонова «Пехотинцы»). Становление личностей центральных персонажей повестей показано писателем как преодоление страха, порожденного как воспитанием в тоталитарной стране, разрушающим в человеке способность к личной ответственности, так и извечным чувством самосохранения, граничащим, с одной стороны, с необходимым для успешной борьбы рационализмом, с другой - с трусостью и готовностью к предательству. Не позволяя страху за собственную жизнь стать главным поведенческим фактором, центральные фигуры воробьевских произведений находят в себе силы сохранить столь необходимое в условиях фронта и плена соборное начало.

К. Воробьев рассматривает вопрос о влиянии довоенного воспитания на поведение человека на фронте и в тылу, делая вывод о том, что истоки патриотизма таятся не в идеологических догмах, а в любви к своей малой родине, в памяти о крестьянском, для большинства воробьевских персонажей, прошлом. Именно благотворная сила памяти и привитые деревенским ладом понятия самопожертвования и соборности, отношение к войне как к испытанию на соответствие нравственному уровню духовных традиций оказываются решающим фактором жизнестойкости воробьевских героев, сильно пошатнувшейся после их «прозрения» - осознания лживости и бесчеловечности многих идеологических установок советского государства. Духовные искания в условиях войны приводят упомянутых персонажей к выработке моральных принципов, в которых воедино слиты жизненная мудрость и трудовые навыки мирного земледельца и безупречный кодекс чести русского офицерства (в том числе и лучшей части советского). Именно подобные личные качества защитников Отечества, как показывает автор, стали решающими для исхода Великой Отечественной.

Раскрытие характеров Сергея Воронова, Сергея Кострова, Алексея Ястребова, капитана Рюмина и других происходит через поступок, то есть осуществление ими нравственного выбора между эгоизмом, почвой для предательства, и чувством личной ответственности, «соборности» - основой подлинной гражданственности. В военной прозе К. Воробьева вопрос о мере человеческой

ответственности влечет за собой серьезные раздумья о моральной неправомерности самоубийства в плену (эта себялюбивая, «рабская» психология, по убеждению писателя, должна преодолеваться ради дальнейшей борьбы за освобождение Родины) и об особенно тяжелом грузе ответственности, лежащем на командирах. Последние нередко оказываются заложниками противоречивых требований воинского устава и законов нравственности (образы капитанов Рюмина и Мишенина, лейтенанта Ястребова).

В отличие от военной прозы предшествовавших лет, главным слагаемым победы часто называвшей деятельность партии и Сталина, «лейтенанты», и особенно К. Воробьев, напротив, разоблачают их ошибочную военную политику: недостаток вооружения, проблему кадрового состава армии, дезинформированность войск о положении на фронте («Убиты под Москвой», «Крик»), деморализующую деятельность НКВД. Важно, что уже в «Крике» писатель связывает военные неудачи 40-х с репрессивной политикой 30-х (образ Емельяна Устиночкина). Отчаянно смело и остро для 1961 года, времени написания «Крика», причины поражения наших войск на первом этапе войны раскрываются в опасно-откровенном разговоре Воронова с Васюковым в плену.

В повестях «Крик», «Это мы, Господи!..» и рассказах «Дорога в отчий дом», «Седой тополь», «Немец в валенках», «Уха без соли» иначе, нежели в военной прозе 40-х - начала 50-х, рассматривается ранее игнорируемая или однозначно трактуемая тема плена (пленный - предатель и враг). Проблема решается многоаспектно, с вниманием к конкретным судьбам и ситуациям. К. Воробьев показывает масштабность этого явления и его восприятие заключенными, сознающими свою отверженность государством. В решении темы писатель проходит путь от откровенных описаний лагерного существования, героических или предательских поступков его жертв, изображения массовости этого явления в повести «Это мы, Господи!..», рассказах «Седой тополь» и «Дорога в отчий дом» до решения вопроса о роли сталинской политики в участии ее защитников («Крик»).

Первое произведение К. Воробьева о плене («Это мы, Господи!..», 1943) представляет интерес не только как отображение судьбы писателя в автобиографическом аспекте. Значимость повести и в том, что это «одно из первых свидетельств человека, лично пере-

жившего всё то, о чём пишет»¹, и в том, что произведение – «живой голос из того времени, из самой войны»², и, наконец, в том, что повесть «заключает в себе большую обобщающую силу. Может быть, впервые в нашей литературе так органично сблизились, точнее, слились война и страдания многих тысяч людей»³.

Рассказы К. Воробьева о плене, при общности тематики, не представляют единства в стилевом отношении, но каждый из них является важным звеном всего творчества писателя. Даже самые ранние романтические рассказы «Дорога в отчий дом» и «Седой тополь», небесспорные по своим художественным достоинствам, имеют большую значимость как одни из самых первых и в то же время самых честных повествований о плене. Что же касается реалистических рассказов более поздней поры, например, «Немец в валенках» и «Уха без соли», то их отличают как идейная насыщенность – размышления о вечных законах человечности, «проблеме преступления и меры ответственности за него», психологии и правомерности всепрощения, – так и совершенное творческое воплощение. Очевидно, что воробьевские рассказы о лагерном существовании, традиционно рассматриваемые как сюжетное дополнение к повестям, представляют серьезный интерес и как самостоятельные произведения с острой проблематикой и художественной неповторимостью, и как факт эволюции писательского таланта.

Для стиля военной прозы К. Воробьева характерно тяготение к образам-символам, натуралистическим подробностям и пейзажным зарисовкам, имеющим смысловую, а не формально-эстетическую значимость. Сложная метафоричность раннего творчества сменяется точными, реалистическими описаниями. Ведущими способами передачи душевного состояния персонажей являются формы «внутренней речи», фиксация моментальных субъективных впечатлений, интонационно-голосовая характеристика, внимание к деталям, мимике и жестам.

Рассмотрение произведений К. Воробьева о войне дает все основания утверждать, что он принадлежит к центральным фигурам «лейтенантской прозы», выделяясь талантливым изображением

¹ Педенко С. Школа мужества // Литературная Россия, – 1986. – 28 ноября – С. 16.

² Михайлов А. Сквозь «непогоды»: О героях современной прозы // Правда. – 1987. – 9 дек. – С. 3.

³ Кедровский А.Е. Земляки: творчество К. Д. Воробьева и К. И. Носова. – Курск: Изд-во Курского гос. пед. ун-та. – 1999. – С. 20.

войны как народного подвига и смелостью показа той ее стороны, которую многие писатели-предшественники сознательно не узрели.

Вторая глава *«Личность и власть: о константах и переменных в составе лиро-эпических персонажей К. Воробьева»* посвящена более разностороннему анализу писательского понимания того, какое воздействие оказывает репрессивный государственный режим на судьбу его народа.

Выявление антинародной сущности советской военной политики в годы Великой Отечественной войны и давно назревшая в общественном сознании послесталинской эпохи потребность осознания пройденного за годы Советской власти пути заставили К. Воробьева обратиться к истокам сложившегося типа взаимоотношений власти и народа. Поиски переломного момента привели писателя, как и некоторых других авторов, в первые послереволюционные десятилетия - годы Гражданской войны, «военного коммунизма» и коллективизации. Именно в тот период произошло не только государственное переустройство, но и крушение традиционных основ жизни русского человека, «душой» которых испокон веков был деревенский лад.

Эта грань проблемы наиболее подробно освещается в **первом параграфе *«Диалектика героического и антигероического как моделирующая система в произведениях «Сказание о моем ровеснике», «Друг мой Момич», «Ермак», «Синель».***

Традиционно (и несправедливо) не относящийся к писателям-«деревенщикам», известный прежде всего как автор повестей о войне, К. Воробьев стал одним из первых продолжателей темы социалистических перемен в деревне в послевоенной литературе, изобразив их как государственный террор по отношению к собственному народу (рассказы 1955 года «Ермак» и «Синель», «Сказание о моем ровеснике» (1960), повести «Почем в Ракитном радости» (1963), «Друг мой Момич» (1965)).

Впервые в прозе К. Воробьева эта тема звучит в рассказах «Синель» и «Ермак». Своеобразие их во многом обусловлено тем, что трагические события воспринимаются еще совсем юными людьми (далее эта особенность станет основополагающей и в посвященных теме коллективизации воробьевских повестях). В названных рассказах писатель в новом ракурсе рассматривает судьбу своего поколения, рожденного революцией и выкошенного Великой Отечественной. Эти дети, не имевшие возможности сравнить жизнь до и после 1917 года, относятся к новой власти как к любому

другому явлению окружающего мира. Их оценка происходящего оказывается самой непосредственной и честной, а растущая зависимость от надуманных идеологических догм показывает мощь тлетворного влияния системы, пытавшейся любыми путями обратить этих «естественных людей» в своих бездумных рабов.

Первой воробьевской повестью о гибели крестьянства в годы становления Советской власти стало *«Сказание о моем ровеснике»*. Произведение, охватившее временной промежуток с 1919 по 1930 год, на примере курского села Шелковка показывает трагедию разрушения деревни. В центре повествования находится семья Ястребовых, драматическая судьба которой отражает характер той переломной эпохи. Каждый персонаж *«Сказания»* проходит испытание на способность к сопричастности, соборности – тому единственному, что ещё могло скрепить разъединённую страну. Именно эта фундаментальная для православной культуры моральная категория связывает социальный и нравственный пласты *«Сказания»* и является определяющей в судьбах его героев. Особую наглядность её значимости обретает в противопоставлении образов Матвея Ястребова и Кузьмы Ходукина.

Для Ястребова Гражданская война стала тем «моментом истины», когда человек должен однозначно и окончательно определить, как и зачем ему жить дальше. До трагических событий 1919 года старик жил интересами семьи, чётко разделяя «своих» и «чужих». Худшими ругательствами из его лексикона были многочисленные синонимы слова *«безотцовщина»*. Этот «снобизм», свойственный многим живущим в довольстве и покое людям, обнаруживает свою поверхностность, когда приходит беда. После неожиданной, несправедливой гибели сына Алексея от рук кутеповцев сражённый горем старик находит в себе силы почувствовать и чужую боль, обрести «бодрое чувство живучести» в воспитании осиротевшего Алешки. Эти качества коренились в самой сути его русской души: в бескорыстной сострадательности, открытости для мира, чувстве сопричастности с ним, в смирении перед Богом.

Противоположный Ястребову тип представлен в образе Кузьмы Ходукина. Насколько расходятся социальные позиции персонажей, настолько различно их отношение к людям, так как и то, и другое определяется их моделями положения «я» среди «иных». Если Матвей Егорович в несчастье переживает катарсис

и обретает потребность отдавать себя на благо другим, то Ходукин до самого конца делит человечество на «своих» и «чужих».

Персонажи воробьёвского «Сказания» продолжают поиски истины в событиях Гражданской войны и коллективизации и связанных с ними проблемами революционного гуманизма и права на насилие во имя счастливого будущего - поиски, которые ведут многие литературные герои XX века. В повести К. Воробьёва проблема решается согласно законам православной морали. «Молюсь за тех и за других» (М. Волошин) - таково понимание гражданской смуты носителем главной идеи «Сказания» Матвеем Ястребовым. Потерявший в эти годы двоих сыновей (Алексей погиб, помогая красным, Петрак — в рядах мобилизовавшей его белой армии), он сумел подняться выше личной трагедии и обрести смысл жизни в воспитании ребенка.

Ярчайшим произведением о трагедии коллективизации стала повесть К. Воробьева *«Друг мой Момич»*, занявшая сейчас достойное место в ряду лучших образцов отечественной классики. «Коллективизация как разорение, голод в деревне, «кулаки» как рухнувшая опора крестьянского мира, коллективизаторы как грабители - все это описано у Воробьева до «Канунов» Белова, до «Мужиков и баб» Можаяева, до «Касьяна Остудного» Ивана Акулова, до тендряковской «Пары гнедых»... И описано без стыдливых умолчаний, без реверансов перед непоколебимыми тогда социологическими схемами», - подчеркивает В.Т. Сосновский¹.

Персонажей воробьёвского произведения условно можно разделить на три лагеря: опорные фигуры мира старого (Момич, тетка Егориха), нового (Зюзя, Сибилек, Голуб, Лесняк, Евдокия Петровна) и приспособленцы (Царь, Дунечка Бычкова). Столь «прозрачная» группировка образов стала вызовом традиционному решению темы, не оставляя сомнений в воробьевском отношении к изображаемому. Симпатии автора, рассказчика и читателей безраздельно отданы людям, отношение к которым со стороны Советской власти было диаметрально противоположным, тогда как ее апологеты, за исключением учителя Александра Дудкина, - носители отрицательных личностных качеств, востребованных новой эпохой.

¹ Сосновский В.Т. Отрывок из диссертации //Вдохновитель. Сосновский В. Г.: Жизненный путь, творческие искания, встречи / Сост. Ю.А. Стецур: Сборник. -Армавир: ИЦ АГПИ. 2000. - С. 164.

Все происходящее в курском селе Камышинка воспринимается глазами рассказчика - десятилетнего Саньки Письменова. Возраст повествователя помогает автору не поддаться соблазну морализаторства, однако существенно осложняет его писательскую задачу. Один из самых трагических эпизодов отечественной истории передается с чистосердечностью и непосредственностью юного «естественного человека», не отягощенного идеологическими предрассудками.

Центральными фигурами повести являются сосед Письменных «подкулачник» Максим Мотякин и Санькина тетка Татьяна Егоровна.

Жизненная опора Момича - тяжелый крестьянский труд. Характерная деталь: единственной иконой в его хате оказался образ Николы Чудотворца, ставший своеобразным предвестником дальнейшей судьбы раскулаченного Мотякина: в русских верованиях Николай Чудотворец нередко известен и как заступник за несправедливо осужденных. Момич во всей совокупности своих личностных качеств является полной противоположностью представителям новой власти, не обладающим его физической и духовной мощью, трудолюбием, честностью и присущей только сильным людям способностью прощать. (Достаточно вспомнить его терпеливое отношение к поджигателю Царю, спасение конокрадов Зюзи и Сибилька от расправы, действия во время войны). Восприятие подобного человека коллективизаторами предопределено.

Татьяна Егоровна предстает в повести носителем лучших черт женского национального характера: терпения, милосердия, способности прощать и любить, причем, как и большинство воробьевских женских образов, она «если и любит, то больше страдает, сострадает, чем наслаждается любовью»¹. Не испытывавшая особого благоговения перед религиозной атрибутикой и даже практиковавшаяся в ворожбе, Егориха все же становится жертвой защиты поверженного церковного креста. Рушатся основы старого мира, и таким, как она, трудно найти себя в мире новом. Как поруганная церковь, выглядит и дерево, под которым ее похоронили Момич с Санькой: оно «казалось маленькой церковью с куполом без креста...».

В ломающихся социальных условиях практически ничего не меняется только в существовании слабоумного Санькиного дяди

¹ Золотусский И. Очная ставка с памятью (о творчестве К. Воробьева) // И. Золотусский. Очная ставка с памятью. - М., 1983. - С. 23.

по прозвищу Царь и побирушки Дунечки Бычковой: в силу своей внутренней пустоты и бесхребетности подобные люди способны приспосабливаться к любым обстоятельствам. Они не изменили себе и в условиях коммуны: в ряду построившихся на работу «последним... оказался дядя Иван, а Дунечку я не увидел вовсе», - замечает рассказчик.

Писатель показывает, насколько расходились теория и практика укоренявшегося строя: высокоидейные призывы внедрялись в сознание масс, будучи абсолютно чуждыми многим деятелям этих преобразований. Стоит подчеркнуть, что все созданные в произведении образы представителей нового мира несут в себе черты агрессивности, порочности и, наконец, «выморочности». В каждом сельском активисте рассказчик с детской зоркостью сердца выделяет самые характерные качества: мстительную завистливость и разбойность Зюзи, подлую и трусливую вороватость Сибилька, скрытую под карикатурной героичностью агрессивность милиционера Голуба, надуманный облик и мнимую аскетическую идейность председателя коммуны Лесняка, внешнюю и внутреннюю блеклость учительницы Дунечки.

В воробьевских произведениях о первых годах Советской власти и коллективизации утверждается мысль о том, что следствием ломки традиционных крестьянских представлений, основанных на уважении к труду и собственности, чувстве сопричастности со всем живущим и других ценностях православной культуры, становится вырождение всего народа. Системой методично уничтожаются люди «с чувством родства и близости», соответствующие воробьевскому типу идеальной личности (Момич, тетка Егориха, Матвей Ястребов), и все больше становится тех, кто «сам по себе» (Кузьма Ходукин, Игнат и Тишка Суровцы, Яшка Кочанок, Зюзя, Сибилек). Показательно, что эти определения являются основой группировки образов практически всех произведений писателя.

Забвение норм народной морали ведет к духовному опустошению нации и все возрастающему явлению социального сиротства. Именно оно оказывается питательной средой для формирования деятелей новой государственной системы (образы председателя коммуны Лесняка, Сергея Бычкова, Тишки Суровца и др.). Лишенные чувства дома и семьи, они не способны ощутить подобное и по отношению к своему большому «дому» - родине и ее людям. С 1917 г. явление социального сиротства, как показывает автор, только прогрессировало. Разрушенными оказались семьи

Максима Мотякина («Друг мой Момич») и Мирона Останкова («Почем в Ракитном радости»). Под знаком безотцовства прошла жизнь «ровесников революции» - Сергея Воронова, Алексея Ястребова, Саньки Письменова, Кузьмы Останкова, Родиона Сыромукова и других персонажей воробьевских произведений.

Молодежь 60-х - 70-х - дети тех, кто был уничтожен тоталитарной системой в 30-х или погиб в войне с фашизмом, и внуки жертв революции, Гражданской войны и коллективизации - оказывается оторванной от духовного наследия предшествовавших поколений и опытным путем вырабатывает собственные идеалы (*«Вот пришел великан», «Записки таксиста»*). В частности, в отсутствии этих связей автор видит причину бессемейности центральных фигур его «городской прозы». Этот аспект проблемы взаимоотношений власти и народа стал содержанием **второго параграфа «Героическая аскетика и проект освобождения Подвига в повестях «Вот пришел великан», «Генка, брат мой» («Записки таксиста»), рассказах о детях»**.

Отсутствие чувства семейности нередко сопровождается неспособностью брать на себя ответственность за других людей - супруга, детей, родителей. Можно предположить, что подобное внутреннее одиночество и пессимистическое мироощущение центральных фигур «городской прозы» порождены пережитым в детстве страхом утраты близких, ожиданием новых ударов судьбы. В частности, эта боязнь потерь в будущем лишает персонажей повести «Вот пришел великан» Кержуна и Лозинскую ощущения настоящего, не позволяет предпринять решительных действий по изменению своих судеб.

По убеждению К. Воробьева, уничтожение тоталитарной машиной чувства родства и участия, характерного для русской ментальности, вкуче с социалистическим коллективизмом (не явлением соборного типа сознания, а скрепленной суррогатной идеологией человеческой массой, являющей собой «торжество приспособленчества и посредственности») породили поколения людей без прошлого, с сомнительным будущим. Их настоящее проходит в заботе о материальном благополучии собственного «я», агрессивно-потребительском отношении к жизни и друг к другу, исключаящем способность к заботе и состраданию, в зашоренности сознания стандартными схемами.

В ряде произведений писатель показывает, что коррозия советского общественного порядка поражает все сферы человеческой

жизни - социальную (вопросы межличностных отношений, профессиональной деятельности, статуса семьи), нравственно-психологическую, культурную, губительно воздействуя даже на любовную область человеческих переживаний. Мысль о нивелирующем воздействии тоталитарной системы становится лейтмотивом воробьевского творчества второй половины 60-х - начала 70-х: «...образуется огромная наступательная сила, направленная на обезволивание и подчинение людей воле партии, что именуется строительством коммунизма: подавляли личное мнение и индивидуальные качества людей при помощи рычагов государства...»¹.

Осмысление прошлого и антипрогноз в повестях «Почем в Ракитном радости» и «...И всему роду твоему» стали содержанием **третьего параграфа «Трагический парадокс: праведное прошлое в роли праведного предстоящего. Кровное и завоёванное перед испытанием будущим в повестях «Почём в Ракитном радости», «...И всему роду твоему».**

В повести «Почем в Ракитном радости» личная драма четырнадцатилетнего Кузьмы Останкова и его дяди Мirona Останкова (подросток, селькор районной газеты, «разоблачил» дядю в воровстве жмыхов, за что последнего приговорили к расстрелу, впоследствии заменённому на десять лет лагерей) становится отправным пунктом для авторских раздумий о социально-политическом облике страны в целом. Побудительные мотивы совершённого мальчиком поступка, облик государственных чиновников той поры, замалчиваемые факты отечественной истории («чужой» плен и «свой» лагерь, выпавшие на долю повествователя), ожидание перемен во внутренней политике в эпоху Хрущёва - все основные события повести развивают единую тему - культ личности Сталина, его причины и следствия.

Умение прощать - одно из фундаментальных личностных свойств православного по своему мировоззрению и воспитанию человека. Повествователь страдает от дефицита этой способности в окружающих его современниках и в собственной душе. Нравственные искания возвращают его в родное село. Дарованное народной мудростью умиротворение Кузьма Останков воспринимает как пасхальный подарок. «Суд», которого так боялся и ждал герой на пути домой, вынес его совести оправдательный приговор. Воскре-

¹ Воробьева В.В. Розовый конь // Воробьев К.Д. Собр. соч.: В 3 т. Т. 3. Рассказы, из архива писателя, письма, приложение / Сост. В.В. Воробьевой / Под ред. М.И. Вострышева. — М.: Современник, 1993. — С. 469.

шение в Кузьме Останкове духа соборности началось уже с решения посетить Ракитное и свершилось благодаря влиянию сельского жизнеустройства в соответствии с историей народа, его коллективными традициями, - того, что В. Белов в своих «Очерках» определяет емким понятием «лад». Примечательно, что посещение героем родины приходится на пасхальные дни: вместе с возвращением веры в людей, способности прощать - другим, себе, самой жизни - воскресает его душа.

На вопрос, вынесенный в заглавие произведения («Почём в Ракитном радости»), К. Воробьёв пытается ответить честно, и оттого в жизнеутверждающем финальном аккорде звучат и минорные нотки. Оплачены ли кровавые грехи прошлого, не тяготеет ли его проклятье над новым днём? У рассказчика возникает желание «освятить» путь в будущее, не дать людям сбиться с него в мрачное пережитое. «Мне хотелось рассыпать тут, на чёрной пахучей дороге, крашеную скорлупу, - ничего не будет радостнее этой находки для завтрашнего пешехода, ничего! Увидит и обязательно подумает, что это дети насорили. И куда это они только шли? В гости, что ли? Или из гостей?..»¹.

Полагая, что современность - это «часть нашего прошлого и будущего и взаимодействие и борьба этих частей», писатель делает вывод о губительности утопических призывов жить во имя счастливого будущего, так как его залогом может быть только полноценно прожитое настоящее. Развенчание этого ущербного лозунга социалистической концепции стало ведущей идеей повести «... *И всемудру твоему*».

Центральной фигурой произведения становится сорокавосьмилетний архитектор Родион Богданович Сыромуков, образ которого, как указывала В. Воробьева, чрезвычайно напоминает внешний облик автора, близок его стилю поведения, духовному и физическому состоянию и жизненному опыту*. Благодаря этому принадлежащие Сыромукову высказывания с большой долей уверенности можно считать созвучными мыслям и чувствам самого К. Воробьева. Они не носят проповеднически-декларативного характера и скорее полемичны, причем внутренние противоречия в

¹ Воробьёв К.Д. Собр. соч.: В 3 т. Т. 1. Повести / Сост. В.В. Воробьевой / Под ред. М.И. Вострышева. - М.: Современник, 1993. — С. 478.

* Говорящая фамилия персонажа («сирая мука» как знак внутреннего сиротства) - прием типизации, который писатель активно использует при характеристике центральных фигур большинства своих произведений - Сергея Воронова, «братьев» Корневых, Антона Кержуна, Кузьмы Останкова и др.

характере Сыромукова вырастают до философских бинарных оппозиций типа «разум-чувства» («мозг-сердце», «духовное-материальное»), «воля-страх», «долг-потребительство», «индивидуальность-коллектив», «война-мир».

Особенно много мыслей о своей эпохе герой высказывает при оценке произведений архитектуры - вида искусства, основанного на понятии дома, жилища, то есть рукотворной среды обитания человека, отражающей его представления о своем месте в мире. Очевидно, не случайно то, что послевоенным родом деятельности своего персонажа К. Воробьев выбрал профессию архитектора - домо- и градостроителя, человека, занятого созидательным творческим трудом. Высказывания Сыромукова об архитектурных сооружениях не оставляют сомнений в своей аллегорической сущности.

Философское осмысление проблемы взаимоотношений человека и власти в повести проходит путь от полемики с тоталитарной сущностью «идеальной» по замыслу социалистической теорией до глобальных антиутопических выводов. Более того, в повести можно обнаружить сюжетно-композиционные признаки, характерные для антиутопии как жанра (изображение противопоставляющего себя авторитарной власти героя, разоблачение социальной теории путем доведения ее до логического финала, выявление опасности унификации членов подобного общества, постановка проблемы самоуничтожения человечества вследствие безнравственного использования достижений НТР, основанный на принципе пересечения и совмещения времен тип хронотопа, мотив двойничества и др.).

Критическая направленность воробьевской прозы, оправданная временем и особенностями его жизненной и творческой судьбы, традиционна для отечественной литературы и свидетельствует о мужественной гражданской позиции автора. И все же устойчивый акцент на негативе, особенно в прозе последних лет, на наш взгляд, несколько обеднил его творчество. В отличие от большинства воробьевских произведений о деревне, в которых мрачная историческая ситуация не смогла погасить душевный свет сельских праведников, «городская проза» отражает процесс затухания этого света, торжество тьмы. Наверное, в этом исключительно отрицательном восприятии всего советского и нетерпимости к современным нравам можно усмотреть некоторое нарушение жизненной правды, ведь и сам К. Воробьев показывает, что бытие человека определяется не только государственным строем его родины. Важнее то, что писатель честно писал о наблевшем и достиг в этом больших высот - и творческих, и гражданских. Время - самый беспристраст-

ный критик, и то, какое внимание уделяется сейчас воробьевскому наследию, - лучшая ему оценка и награда.

По мере роста писательского мастерства К. Воробьева сглаживались и заметные в первых произведениях художественные «шероховатости», превращаясь в знаковые черты его эстетической самостоятельности в ряду других авторов. Так, «украшательства» стиля ранней прозы привели к впечатляющей точности художественной речи, сюжетные «неровности» («Это мы, Господи!..») - к редкой способности доверять читателю, дать ему возможность самостоятельного осмысления книги, а псевдонародное занижение роли интеллигента и гротескно-отрицательные образы врага в ранних военных рассказах («Б.П.Г.», «Подснежник», «Седой тополь») - к стремлению проникнуть через социально-бытовую оболочку образа в его родовую основу.

Неповторимость стиля «деревенской» и «городской» прозы К. Воробьева достигается, в частности, за счет таких творческих находок, как повествование об исторических катаклизмах от лица непосредственных, аполитичных детей («Ермак», «Синель», «Друг мой Момич»); своеобразие художественного времени (эпиплоги в рассказе «Ермак» и повести «Друг мой Момич», ретроспективная направленность повести «Почем в Ракитном радости», рассказов «Чертов палец», «Костяника», сложный характер хронотопа в «... И всему роду твоему»); связь с мифологией («Друг мой Момич», «Вот пришел великан»), устным народным творчеством («Это мы, Господи!..», «Друг мой Момич» и др.) и классикой отечественной и зарубежной литературы («Вот пришел великан», «Записки таксиста» и др.); скрытое обращение к библейским мотивам и образам, использование традиционной христианской символики («Сказание о моем ровеснике», «Друг мой Момич», «Почем в Ракитном радости», «... И всему роду твоему»).

Таким образом, проблема «Личность и время» рассматривается в воробьевском наследии многоаспектно. Писатель убедительно доказывает, что взаимоотношения человека со временем во многом обусловлены характером государственного устройства, общественными ценностями, воспитанием и жизненным опытом личности. Лейтмотивом его прозы становится разоблачение антинародной и антиличностной сущности советской политической системы. Разрушительное воздействие тоталитарного режима К. Воробьев обнаруживает на всех стадиях его развития: в годы Гражданской войны, коллективизации, Великой Отечественной, в мирных 50-х - 70-х. Сущность взаимоотношений личности и времени автор выявляет и на историко-генетическом уровне («Сказание о моем ровеснике», «Друг мой Момич», «Ермак», «Синель»), и под углом со-

временности («Записки таксиста», «Вот пришел великан»), и в перспективе («...И всему роду твоему»), что делает творчество писателя высокохудожественной летописью советской эпохи, философским осмыслением судьбы русского народа, его прошлого, настоящего и грядущего.

В заключении обобщаются основные положения исследования и делаются выводы.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Хаткина А.В. Идеино-художественные принципы изображения Великой Отечественной войны в повести К. Воробьева «Крик» // Развитие непрерывного педагогического образования в новых социально-экономических условиях на Кубани: Сборник тезисов. Выпуск 7. - Армавир: ИЦ АГПИ, 2001. - С. 139-141.

2. Хаткина А.В. Идеино-художественное своеобразие повести К. Воробьева «Крик» // Молодые ученые: Сборник статей. - Армавир: ИЦ АГПИ, 2001. - С. 258-279.

3. Хаткина А.В. Личность и время в повести К. Воробьева "...И всему роду твоему" // Наследие В.В. Кожина и актуальные проблемы критики, литературоведения, истории, философии: Материалы 2-й Международной научно-практической конференции / Под ред. Ю.М. Павлова и Н.Г. Рубцова. - Армавир, 2003. - 4.1. - С. 187-194.

4. Хаткина А.В. Нравственные искания героев повести К. Воробьева «Сказание о моем ровеснике» // Русская литература XIX-XX вв.: актуальные проблемы исследования. Сб. научн. стат. / Под ред. Ю.М. Павлова, Н.Г. Рубцова. - Армавир: ИЦ АГПИ, 2001. - С. 150-163.

5. Хаткина А.В. Стилизовое и тематическое своеобразие рассказов К. Воробьева // Развитие непрерывного педагогического образования в новых социально-экономических условиях на Кубани: Сборник тезисов. Выпуск 8. - Армавир: ИЦ АГПИ, 2002. - С. 193-194.

